Бузуев О. А.

O. A. Buzuyev

ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

SOCIAL AND CULTURAL LIFE OF THE FAR EAST ÉMIGRÉ COMMUNITY IN MODERN RESEARCHES

Бузуев Олег Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf-rus-amgpgu@mail.ru.

Mr. Oleg A. Buzuyev – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, the Amur State University of humanities and pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kaf-rus-amgpgu@mail.ru.

Аннотация. В статье актуализируется проблема изучения общественно-культурной жизни дальневосточной эмиграции на современном этапе развития харбинистики как специфического направления отечественного и зарубежного литературоведения. Основное внимание автор уделяет анализу комплексного подхода в научных изданиях последних лет.

Summary. The article focuses on the problem of social and cultural life of the Far Eastern emigration at the present stage of the development of Harbinistics as a specific direction of domestic and foreign literary criticism. The author pays special attention to the analysis of the integrated approach in scientific publications of recent years.

Ключевые слова: эмиграция, литература и культура, русское зарубежье Дальнего Востока, современные исследования, ментальность, фронтир.

Key words: emigration, literature and culture, Russian Far East émigré community, modern scientific publications, mentality, frontier.

УДК: 882(075.8)

Политические реалии последних десятилетий убедительно доказывают, что историческая значимость «русского мира», идейно-нравственного и духовного багажа отечественной культуры, накопленного в различные периоды её становления и развития, по-прежнему востребованы современниками как неоценимый опыт сохранения национального самосознания, национальной идентичности, патриотизма в самом широком понимании этого слова.

В настоящее время есть все основания говорить об общественно-культурной жизни русского зарубежья Дальнего Востока как о значительной региональной составляющей национальной культуры XX века, уникальной пограничной «восточно-западной» форме субкультуры российской эмиграции «первой волны». Феномен дальневосточной эмиграции определялся сложными геополитическими условиями её формирования и развития: непосредственной близостью к границам советской России, связью с традициями многонационального населения, проживающего в Харбине со дня его основания – с одной стороны, и иноязычным окружением – с другой. Многонациональная культура русскоязычного населения Харбина и Шанхая стала основой для духовного и интеллектуального развития эмиграции, вызванной политическими событиями в России. Как известно, революционные потрясения в полной мере испытали на себе все народы, населявшие Российскую империю, что и обусловило многонациональный характер российского беженства.

Вопреки постоянно усложняющейся политической ситуации на Северо-Востоке Китая, эмигрантская научная и творческая интеллигенция, духовенство предпринимали действенные шаги на пути сохранения национальных культур, которые, в свою очередь, развивались на основе художественных ценностей, привнесённых составляющими её этническими диаспорами. Всё это

в значительной степени определяло специфику формирующегося в этих условиях общественно-культурного процесса. Его развитие проходило в русле общих для всей российской эмиграции «первой волны» тем и идей, идейно-эстетических исканий наиболее влиятельных течений и объединений («Зелёная лампа», «Сменовеховство», «Евразийство» и т.д.). Наряду с другими важными проблемами тема эмиграции изначально стала главной, жизненно важной для сотен тысяч беженцев из советской России; в интеллектуальной среде она наиболее полно нашла своё выражение в философии и литературе. Дальневосточная «литература в изгнании» в этом смысле не была исключением, пытаясь осмыслить трагедию эмиграции всесторонне: обращаясь к её причинам и предполагая возможное будущее.

Конец XX и начало XXI веков стали закономерным итогом поисков системных подходов в освоении творческого наследия русского зарубежья в целом и его дальневосточной ветви в частности. По мере накопления и научного осмысления историко-культурного, литературно-художественного и критического материала, на фоне обзорно-аналитических трудов и энциклопедических изданий всё более заметное место занимают исследования локальной направленности, а также научные труды, в основе которых положен комплексный подход к осмыслению феномена дальневосточной эмиграции.

Наглядным примером подобного подхода стала вышедшая в 2015 году коллективная монография «Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта», исследующая архитектурную, литературную, научную, религиозную жизнь столицы дальневосточной эмиграции [1]. Авторами этого капитального труда являются известные учёные А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Лёвшин, А. А. Хисамутдинов, внесшие значительный вклад в развитие современной харбинистики и ставшие инициаторами создания в 2014 году Ассоциации исследователей Русского зарубежья в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поставив перед собой задачу реконструирования исторического опыта формирования особой этнокультурной среды, позволившей эмигрантам сохранить свою культурную идентичность в иноязычном окружении, авторы монографии детально анализируют «русский опыт диаспоризации», «жизнестроительства» в условиях дальневосточного фронта [2].

А. П. Забияко во введении «На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации» обращаясь к работам этнографов Н. К. Харузина, С. М. Широкогова отметил, что «история русского присутствия в Маньчжурии открывает широкие возможности для изучения темы жизнеспособности, витальности, устойчивости этносов» [3]. Собственно, эту цель, вероятно, и преследовали авторы коллективного труда. Для нас важен ещё один заявленный во введении тезис, который получает своё всестороннее освещение в содержании книги «Культура русского Харбина – впечатляющий пример фронтальной субкультуры, сложившейся в дальневосточном порубежье на стыке русской и китайской культур». Её история обнаруживает разные сценарии маргинализации. Главенствующей стратегией существования харбинской культуры в условиях дальневосточного фронта были консервация нормативных качеств русской культуры и их интенсификация. Эта стратегия не исключала, однако, усвоения некоторых сторон китайской культуры и движения в сторону русско-китайского синкретизма» [4].

Начало реконструкции материального и духовного быта и бытия дальневосточной эмиграции представлено в книге главой 1 «Архитектура и архитектурная жизнь русского Харбина», подготовленной почётным архитектором России, автором многочисленных работ по истории архитектуры русского зарубежья С. С. Лёвшин. Обращаясь к истории создания на Северо-Востоке Китая русского города, в котором доминировала русская архитектура «с харбинским акцентом», к идее создания «города-сада» исследовательница последовательно рассматривает модерн и другие стили в строительстве Нового города, отмечает своеобразие китайского района Фудзянь, детально анализирует национальный стиль православного Харбина. Так, в частности, описанию культовых сооружений предшествует упоминание о том, что в православной архитектуре «можно отчётливо выделить ориентацию на тот тип сооружений и декора, символика которых издревле традиционно связывалась с Россией, российской государственной идеей, Византией как первоисточником национально-православной культуры, Москвой» [5]. Очевидной заслугой автора этого

тематического раздела коллективной монографии стало подготовленное на основе архивных материалов обозрение архитектурной жизни Харбина 20–40-х годов XX века, основного узлового города, «столицы» Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в «зеркале зарубежной историографии», а также обобщение китайского опыта сохранения архитектурного наследия с момента построения города до начала нового века. Вывод, который делает автор, обнадёживает: «Эволюция опыта сохранения русского историко-архитектурного наследия в Китае прошла несколько этапов: от освещения Китаем этого феномена в изданиях, выставках, создания музеев русской культуры до привлечения российских архитекторов к совместным проектам» [6].

Стремительному развитию своей материальной и духовной культуры в 20–30-е годы XX века дальневосточная эмиграция во многом, на наш взгляд, обязана бережному отношению к общественно-культурным традициям дореволюционной России, русскому языку, ставшему в Харбине языком межнационального и интернационального общения, и православной вере. Глава 2 «Русская дорога к харбинскому храму», подготовленная известным знатоком общественно-культурной жизни русского Китая историком А. А. Хисамутдиновым, открывается следующим посылом: «Религия и церковь являлись объединяющей силой для всех российских общин в странах Дальнего Востока: религиозная идея лежала в основе семейной и общественной жизни всех диаспор и общин, а приходы были центром для общения людей в изгнании. В Харбине отразилось всё многообразие религиозной жизни бывшей Российской империи: от основных церквей до мелких конфессий и сект» [7]. Именно в Харбине, по утверждению автора главы, православие сохранило «наиболее прочные позиции, чем где-либо в Китае». А. Хисамутдинов говорит и о причинах этого факта: наибольшее число проживающих в городе православных и деятельность Бюро по делам российских эмигрантов, весьма заинтересованного в поддержке православных прихожан. Вместе с тем автор с присущей ему фактической детализацией говорит о существовавших в городе общинах старообрядцев, молокан, католиков, лютеран, методистов, баптистов, евангельских христиан, пятидесятников, адвентистов седьмого дня, хлыстов. Отдельное место в главе отводится этническим диаспорам.

Ещё одной особенностью данной главы является то, что в ней получает своё развитие заявленная в главе 1 тема храмовых построек: читатель имеет возможность познакомиться с историей постройки Свято-Богородице-Иверской церкви, Алексеевской церкви в Новом городе, Свято-Благовещенского собора, а также возникновением в рамках харбинского христианства разных орденов и обществ (характерный пример: Иверское братство).

Перу А. Хисамутдинова принадлежит и следующая, глава 3, посвящённая «изучению Китая русскими исследователями из Харбина». Отметим особо, что данная тема, хотя она уже давно актуализирована работами китайских и отечественных исследователей, всё же нуждается в конкретизации, основанной на документальной основе и архивных изысканиях. Автор блестяще справился с этой нелёгкой задачей. В центре внимания прежде всего деятельность Общества русских ориенталистов, Общества изучения Маньчжурского края, его музея и отдела печати, Института ориентальных и коммерческих наук, а также китаеведение в высших заведениях Харбина. Таким образом, отечественная ориенталистика в своём региональном варианте обогащалась трудами А. А. Анерта, Н. А. Байкова, И. Г. Баранова, А. А. Болотова, В. Н. Жернакова, В. В. Поносова, А. Н. Тихонова, А. П. Хионина, П. В. Шкуркина и других.

Можно вполне согласиться с мнением, что «Харбин стал одним из ведущих центров практического востоковедения в Азии задолго до того, как начал принимать русскую эмиграцию» [8]. Истоки развития востоковедения в русском Китае Хисамутдинов видит в работе выпускников Восточного института (Владивосток), приехавших в качестве переводчиков, а затем ставших преподавателями в высших учебных заведениях Харбина. Большую роль в развитии ориенталистики на Дальнем Востоке сыграли также выпускники восточного факультета Санкт-Петербургского университета. «Научные исследования востоковедов-эмигрантов органично вошли в общую систему российского и мирового востоковедения», – такой итог подводит современный исследователь [9]. Материал по востоковедению дополняют два приложения: библиографический словарь востоковедов Харбина и библиографический список их работ.

Подробно о высших учебных заведениях Маньчжурии автор говорит в одноимённом разделе, отмечая роль администрации КВЖД в создании начальных школ, средних учебных заведений в Харбине. Именно они стали основой развития высшего образования в Маньчжурии уже на базе высших экономико-юридических курсов (затем юридический факультет) и Русско-Китайского техникума (затем Харбинский политехнический институт).

Завершающая монографию глава 4 «Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов» подготовлена автором уже прочно вошедших в научную практику трудов по истории литературы дальневосточного зарубежья. А. А. Забияко последовательно обращается к художественному воплощению образа Харбина в творчестве поэтов и прозаиков, исследованию соотношения эмигрантской лирики и фронтальной ментальности (Россия и проблема русскости в творчестве харбинских поэтов), изучению дальневосточного фронта и беллетристики, освещению проблемы фронтальной идентичности. Вывод исследователя: «Китай и Россия – две оси этнокультурных координат, по которым начались для харбинцев поиски собственной идентичности».

Литература русского Харбина отразила эти сложнейшие процессы сквозь призму разных этнокультурных установок в их индивидуальном творческом многообразии и многозвучии художественных форм [10].

Этот тезис в полной мере находит своё научное обоснование и оригинальную авторскую интерпретацию в монографии А. А. Забияко «Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина» [11], пожалуй, наиболее значительном научном исследовании литературной и культурной жизни дальневосточного зарубежья за последние годы. Как отмечается в предисловии, «эта книга посвящена истории ментальности дальневосточного зарубежья, – ментальности особого анклава русской диаспоры, сформировавшейся после 1920 года в условиях дальневосточного фронта на территории Северной Маньчжурии» [12].

Основными источниками реконструкции ментальности дальневосточного фронта послужили литературные и публицистические тексты, воспоминания, эпистолярное наследие русских харбинцев, а также редкие архивные материалы по истории и культуре дальневосточного зарубежья. Все 15 глав монографического исследования подчинены одной цели: как можно полнее и всесторонне раскрыть многообразие и художественную специфику культурной и литературной жизни русского Китая. Широкий охват тем и проблем формирования и развития общенационального культурного процесса дальневосточного зарубежья, отличающий работы А. А. Забияко, получает в монографии определённую системную законченность, что позволяет дать феномену дальневосточной Атлантиды современную оценку и трактовку. В том же предисловии А. А. Забияко актуализирует принципиально важные для раскрытия темы, заявленные в заглавии работы, понятия «ментальность» и «фронт», их взаимосвязь и взаимообусловленность («Ментальность дальневосточных эмигрантов определил фронт» [13]).

Понимая под «дальневосточным фронтом» контактную зону между народами и странами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, автор во главу угла ставит «человеческий фактор»: «На протяжении почти полувека ментальность русского человека дальневосточного фронта была сформирована в бытовом сознании жителей русского города Харбина, а проявлена – в организации религиозной и культурной жизни, литературного быта, образования, особенно – харбинском быте, языке русских жителей Харбина» [14]. От себя добавим, что, говоря о «русских жителях Харбина», исследовательница, конечно же, подразумевает весь многонациональный русский Харбин, память о котором запечатлелась в различных «формах мыследеятельности» человека дальневосточного фронта: «художественных произведениях, публицистике, письмах, рукописях, воспоминаниях, речевых жанрах, личных делах спецслужб, даже доносах».

Здесь же обоснован комплексный подход к изучению истории ментальности дальневосточного фронта в «человеческом измерении»: «Поэтому исследование ментальности человека дальневосточного фронта в её эмигрантском воплощении должно осуществляться с опорой на этнологию, социологию, психологию, историю искусства и литературы, лингвистику, религиоведение, семиотику, источниковедение и т.д.» [15].

К «фундаментальным образам» ментальности дальневосточного фронта в его синхроническом и диахроническом аспектах автор монографии относит, во-первых, образ пространства: «В произведениях писателей дальневосточного зарубежья это – открытое обширное пространство, зримым выражением которого является тайга. Таёжный человек и его представления – это особый мир религиозных примет и верований, объединивший разнообразные традиции народов дальневосточного фронта» [16].

Постепенное постижение этого образа в литературе дальневосточного зарубежья начинается уже в главе 1 монографии «Здесь доминировал “Закон тайги”»: образ Маньчжурии начала XX века в художественном сознании дальневосточных писателей Н. Байкова и П. Шкуркина; во-вторых, принципиально важной для концепции автора является обращение к ещё одному фундаментальному образу, формирующему картину мира, – образу времени: «Посредством представлений об окружающем мире как модусе реальности, где время существует как вечность, описываются древний Китай, Маньчжурия, дальневосточная тайга, над которой время не властно (и даже Харбин – это мир, где ход времени остановлен)» [17]. Для целостного восприятия картины мира для литературы дальневосточной эмиграции важно, по мнению автора, ещё одно измерение реальности – движение».

Это движение во времени и пространстве в монографии показано посредством анализа творчества наиболее даровитых представителей литературы и культуры зарубежья Дальнего Востока. Справедливо отмечая, что Первая мировая война станет «точкой отсчёта коренных изменений в ментальности русского человека», А. А. Забияко (на примере военной прозы А. И. Несмелова, Н. А. Байкова и др.) детально анализирует её восприятие и художественное воплощение в творчестве писателей дальневосточного зарубежья (см. главу 3). Не менее трагичным опытом в сознании писателей-дальневосточников стало «бремя ненависти и кровавой борьбы», которое легло на многих из них во время революции и Гражданской войны (см. главу 4).

Таким образом, отметив поворотные, судьбоносные точки в развитии общественно-культурной жизни русского Китая, автор монографии обращается к различным аспектам, формирующим её многообразие и своеобразие: «Сибирский регионализм. “Чураевка” и дети эмиграции» (Алексей Ачаир – глава 5); идеология «возвращенчества» (Николай Щеголев – глава 6); литературное юродство в русском Харбине (Леонид Ещин – глава 7); религиозно-художественный радикализм в харбинской культуре (Марианна Колосова – глава 8); харбинские идеи национальной революции (глава 9); теософия и мистический реализм (Альфред Хейдок – глава 10); «От мистики Востока к литературе факта» (Венедикт Март – глава 11); «Человек дальневосточного фронта в поисках Корня жизни» (М. Щербаков, Б. Юльский, А. Несмелов – глава 12); «Фронтирная жизнь Харбина и шпиономания» (М. Колосова, А. Несмелов, Я. Лович, Б. Юльский – глава 13); «”Детский мир” русского Харбина» (А. Несмелов, А. Ачаир, Е. Васильева – глава 14); «Кто ты, чьей семьи подкидыш?»: проблема этничности в культурном сознании дальневосточных эмигрантов» (М. Щербаков, Н. Резникова, А. Несмелов – глава 15).

При этом авторы анализируемых монографий последних лет, конечно, не претендуют на всеобъемлющее исследование общественно-культурной жизни дальневосточного зарубежья. Подразумевается, и об этом было сказано, что это процесс достаточно долгий и требующий усилий учёных различных научных направлений. Известно, что стараниями отечественных и зарубежных историков, филологов, культурологов, представителей других наук, а также бывших харбинцев (Г. В. Мелихов, В. Перелешин, Е. П. Таскина и др.), в своё время были введены в научный оборот такие её составляющие, как «педагогический Харбин», «музыкальный Харбин», «театральный Харбин», «художники дальневосточного зарубежья», «печатное дело и издательская деятельность в русском Китае», «спортивный Харбин», «дальневосточная пушкиниана», «харбинское востоковедение» и так далее. Особая роль в этом процессе принадлежит учёным страны, на территории которой сформировалось дальневосточное русское зарубежье. Здесь было бы уместным напомнить, что китайские исследователи одними из первых в конце XX века обратили внимание на проблему историко-культурной значимости восточной ветви эмиграции, её роль в развитии историко-культурного процесса в метрополии и в зарубежье. Следует отметить, что и на современном этапе

развития харбинистики учёные из КНР продолжают вносить свою весомую лепту в эту специфическую область отечественного литературоведения.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время пройден ещё один важный шаг в накоплении и систематизации фактического материала, теоретического осмысления общественно-культурной жизни дальневосточного зарубежья. Думается, что совместные усилия учёных России, Китая, США, Польши, ряда других стран позволят выйти данному направлению на новый качественный уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Забияко, А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Левашко, А. А. Хисамутдинов. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – 462 с., с илл.
2. Анчабадзе, Ю. Д. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Ю. Д. Анчабадзе, А. А. Забияко [и др.]; под. ред. А. П. Забияко // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №1. – С. 180-183.
3. Забияко, А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: моногр. / А. А. Забияко. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2016. – 437 с.